

Д.В.Гончаров, В.В.Нечай

АНТИКОРРУПЦИОННЫЕ ПРОТЕСТЫ 2017: ОТРАЖЕНИЕ В ТВИТТЕРЕ

Дмитрий Владимирович Гончаров — доктор политических наук, профессор департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: dgoncharov@hse.ru.

Валерий Владимирович Нечай — аспирант департамента прикладной политологии Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Для связи с автором: vnechai@hse.ru.

Аннотация. Хотя по числу пользователей Твиттер заметно уступает другим действующим в нашей стране социальным сетям (прежде всего таким, как ВКонтакте и Facebook), его общественная и политическая значимость довольно велика, что обусловлено как техническими особенностями этой сети, так и спецификой общественной и политической коммуникации в современной России. На фоне жесткого государственного контроля над ключевыми медиа Твиттер представляет собой независимую и оперативно работающую платформу для интерактивного обмена информацией. В ходе протестов 26 марта 2017 и сразу после них Твиттер не только дополнял (или даже заменял) федеральные медиа в распространении важной информации, но и действовал как канал общественно-политической дискуссии и построения офлайн-сетей.

В статье предпринята попытка показать, каким образом на основе анализа коммуникации в Твиттере можно делать выводы об эволюции российской протестной политики. В центре внимания авторов находится вопрос о способности Твиттера высвечивать наличие механизмов общественно-политической мобилизации и протестного потенциала в целом.

Проведенное ими исследование дает основания рассматривать Твиттер как эффективный инструмент общественно-политической мобилизации, открывающий возможности для решения проблемы коллективного действия в процессе становления общественных движений. Коммуникация в Твиттере может способствовать укреплению солидарности и кристаллизации офлайн-сетей, создавая условия для организации совместного действия. Вместе с тем, как и другие социальные сети, он может быть использован для мобилизации не только оппозиции, но и лоялистского сегмента общества.

Ключевые слова: политическая мобилизация, протестная политика, социальные сети, Твиттер

Введение

В марте 2017 г. ключевым событием российской общественной жизни стал документальный фильм-расследование «Он вам не Димон», обвиняющий премьер-министра Российской Федерации Дмитрия Медведева в том, что он является бенефициаром сложной коррупционной схемы, использующей благотворительные организации для контроля над роскошной недвижимостью, которая стоит многие миллионы долларов. Этот фильм, подготовленный Фондом борьбы с коррупцией Алексея Навального, приобрел огромную популярность. В течение месяца только на Youtube его просмотрели более 20 млн раз. Пожалуй, впервые оппозиционный политик, используя средства интернета, смог добиться информационного воздействия, сравнимого по охвату с воздействием ключевых российских телевизионных каналов.

Фильм «Он вам не Димон» стал основой для мобилизационного послания Навального в процессе подготовки массовой протестной акции 26 марта 2017 г. Согласно данным радиостанции «Эхо Москвы», в прошедших в этот день демонстрациях и митингах приняли участие более 80 тыс. человек. По мнению многих наблюдателей, эти выступления положили начало предвыборной кампании Навального, de facto приступившего к активной электоральной мобилизации.

Важной частью событий марта 2017 г. была активность в социальных сетях, которые служили и для распространения разного рода информации, и для организации протестных действий. Одной из сетей, использовавшихся в этих целях, был Твиттер. И хотя по числу пользователей эта сеть заметно уступает ВКонтакте (VK) и Facebook¹, есть все основания полагать, что ее общественная и политическая значимость довольно велика, что определяется как техническими особенностями Твиттера (о которых мы поговорим чуть позже), так и спецификой общественной и политической коммуникации в современной России. На фоне жесткого государственного контроля над ключевыми медиа (прежде всего телевидением) Твиттер представляет собой независимую и оперативно работающую платформу для интерактивного обмена информацией. В ходе протестов 26 марта и сразу после них Твиттер не только дополнял (или даже заменял) федеральные медиа в распространении важной информации, но и действовал как канал общественно-политической дискуссии и построения офлайн-сетей (network-building).

Выявление роли социальных медиа в политической жизни остается весьма сложной задачей. Эта отрасль знания об обществе находится пока в стадии становления. В настоящем исследовании мы попытаемся показать, каким образом на основе анализа коммуникации в Твиттере можно делать выводы об эволюции российской протестной политики (contentious politics).

¹ *Социальные сети 2017.*

При изучении протестной политики наиболее важным, пожалуй, является вопрос о механизмах общественно-политической мобилизации. Поэтому мы сосредоточим свое внимание на способности Твиттера высвечивать наличие таких механизмов (и протестного потенциала в целом), что, в свою очередь, позволит нам решить еще две исследовательские задачи.

Первая из этих задач строится на гипотезе, что онлайн-коммуникация, спровоцированная протестами 26 марта, формирует некое условное Твиттер-сообщество. Очевидно, что это сообщество неоднородно, так как интерес к протестным событиям может порождаться разными причинами. В связи с этим представляется важным установить структуру данного сообщества, определить значимые паттерны общественно-политической идентификации и активности.

Вторая задача заключается в том, чтобы на основе анализа этих паттернов выявить потенциал и механизмы (в том числе и обеспечиваемые самим Твиттером) политической мобилизации, которые могут повлиять на развитие событий в текущем электоральном цикле.

Для анализа Твиттер-коммуникации будут использованы методы тематического моделирования и анализа социальных сетей.

Теоретическая модель

² *Levitsky and Way 2002; Almeida 2003.*

³ *Gurr 1980.*

Протестная политика, или политика социальных движений, — «нормальная» часть современной общественной жизни². В демократических системах она дополняет конвенциональные формы политического участия, связанные с институтами представительной демократии, сигнализирует о социальных проблемах и способствует социетальной динамике³. Однако в закрытых недемократических режимах формирование устойчивых социальных движений крайне затруднено, поскольку такие режимы практикуют очень высокий уровень насилия и эффективно контролируют социальные и материальные ресурсы, необходимые для построения не связанных с государством структур коллективного действия.

⁴ *См., напр. Грациози 2008; Козлов 2009; Виола 2010 и др.*

Наиболее полно данная тенденция проявляется в тоталитарных/неототалитарных системах, о чем свидетельствует, в частности, опыт Советского Союза. Как показывают многие исследования⁴, потенциал общественного недовольства и протеста в СССР был довольно высок как в сталинский период, так и в последние советские десятилетия. История СССР наполнена восстаниями и массовыми беспорядками. Особого упоминания заслуживает диссидентское движение. Однако лишь либерализация режима в середине 1980-х годов открыла возможности для формирования устойчивых структур массовой общественной активности.

С появлением феномена электорального авторитаризма ситуация несколько меняется. В силу ряда причин режимы этого типа вынуждены мириться с элементами социетального плюрализма и наличием институциональных возможностей для антирежимного протеста.

Очевидно, что такое положение дел угрожает стабильности недемократических режимов, так как при определенных условиях способно привести к развитию событий по сценарию «цветных революций». Неудивительно, что стратегии ненасильственного (или с низким уровнем насилия) контроля над общественной активностью занимают важное место в программе консолидации современных авторитарных систем. Элементом этой программы можно считать и использование протестов для получения информации о состоянии общества (что всегда составляет проблему при отсутствии обратной связи между правительством и обществом)⁵. Авторитарные правители пытаются манипулировать протестами, то разрешая, то запрещая их, то ослабляя, то наращивая репрессии (и используя эту тактику для повышения доверия к существующему режиму)⁶.

⁵ Lorentzen 2013.

⁶ Frye and Yakovlev 2016.

Во введении к своей книге «Сила в движении: Коллективное действие, социальные движения и политика» Сидней Тэрроу выделяет три проблемы, требующие особого внимания при исследовании и осмыслении протестной политики. Первая проблема связана с выяснением того, при каких обстоятельствах люди, долгое время терпевшие некое положение вещей, начинают объединяться, чтобы заявить о своем несогласии с ним, оказать противодействие государству и элитам, потребовать участия во власти. Вторая касается динамики протестных движений, их траекторий — от взрыва активности к ее спаду либо под влиянием репрессий, либо вследствие разочарования. Наконец, третья проблема — устойчивость протестной активности, ее способность дать толчок политическим изменениям⁷. Таким образом, в центре внимания Тэрроу и других теоретиков протестной политики оказывается феномен общественно-политической мобилизации, ее механизмов, социально-культурного содержания и характера влияния⁸.

⁷ Tarrow 1994.

⁸ См. McAdam, Tarrow, and Tilly 1996.

Успех практик мобилизации зависит прежде всего от способности решить проблему коллективного действия. Манкур Олсон видел путь к решению этой проблемы в построении организации, которая будет в состоянии преодолеть эффект безбилетника (free rider effect), предложив своим членам некие селективные стимулы и результативное лидерство и дисциплинировав их для совместных действий⁹. Однако подобная логика, выявленная на основе анализа экономических ассоциаций (таких, как профсоюзы), едва ли будет работать в случае социальных движений. По мнению Тэрроу, вовлеченность в общественные движения, в отличие от участия в деятельности экономических ассоциаций, не носит инструментального характера и никак не связана с предельной полезностью (marginal utility). Она обладает самостоятельной ценностью как форма социализации и самовыражения. Поэтому его решение проблемы коллективного действия предполагает прежде всего формирование социальных сетей, которые вырабатывают и поддерживают паттерны социально-культурной солидарности и идентичности. Фактор лидерства в мобилизации участников социальных движений играет заметно меньшую роль, хотя вопрос

⁹ Olson 1971.

о практической организации совместных действий имеет, разумеется, существенное значение¹⁰.

¹⁰ *Tarrow 1994.*

Мир современных коммуникационных технологий создает для политических активистов новые возможности. Интернет и социальные сети способствуют повышению уровня социетального плюрализма, предоставляя обществу ресурсы не только для обмена информацией, но и для создания структур коллективного действия. Медиаплатформы повсеместно используются общественными движениями как инструмент координации действий и информационного обмена, а также как собственное пространство протеста. Растет убеждение в том, что медиа могут быть ключевыми игроками в борьбе за власть во всех режимах, в том числе и недемократических¹¹.

¹¹ *Downing 2000.*

Особый интерес к политической роли интернета возник после всплеска массовых движений в 2010—2011 гг. Роль социальных медиа в «Арабской весне» и движении «Occupy Wall Street» была настолько заметной, что эти события стали характеризовать как Facebook-революцию и говорить о феномене протеста, рожденного в интернете. Некоторые эксперты даже утверждают, что с этого момента интернет прочно занял место «соединительной ткани демократии», как называли прежде масс-медиа¹².

¹² *Günther and Mughan 2000.*

Корпус публикаций, где рассматривается связь между онлайн-коммуникацией и протестной активностью, постоянно увеличивается¹³. Исследователи приводят многочисленные свидетельства того, что цифровая революция (digitalization) создает особые возможности для политики социальных движений. Природу этих возможностей раскрывает теория связующего действия (connective action), позволяющая зафиксировать принципиально иную логику общественной мобилизации в рамках «сетей связующего действия» (connective action networks)¹⁴.

¹³ *См., в частности, Gaffney 2010; Kavanaugh 2011.*

¹⁴ *См. Bennett and Segerberg 2012.*

Итак, решение проблемы коллективного действия в общественных движениях кроется в наличии успешно функционирующих социальных сетей, создающих устойчивые паттерны социально-культурной солидарности и идентичности¹⁵. Однако на пути формирования таких сетей стоят организационные проблемы, связанные с доступом к ресурсам, как материальным, так и коммуникационным. Именно здесь «connective action» в интернете приобретет особую значимость. Интернет-площадки резко снижают ресурсный порог для образования социальных сетей, открывая широкие возможности для общения, обмена эмоциями, ценностными установками, а также информацией, позволяющей вести более или менее рациональную дискуссию по общественно и политически значимым вопросам. Складывается особая категория онлайн-активистов, которые, будучи своего рода «волками-одиночками»¹⁶, запускают масштабные кампании, затрачивая существенно меньше денег, времени и иных ресурсов, чем потребовалось бы для этого в прошлом.

¹⁵ *Crabtree 2005; Bennet 2012.*

¹⁶ *Earl 2011.*

Опираясь на вышесказанное, ключевой вопрос нашего исследования можно сформулировать следующим образом: способен ли Твиттер,

используя логику «connective action» в формировании социальных сетей и соответствующих паттернов социально-культурной идентичности, открыть путь к решению проблем коллективного действия в российской протестной политике и стать инструментом эффективной протестной мобилизации?

Данные и метод

Появление онлайн-сетей расширяет возможности не только общественных и политических активистов. Медиаплатформы дают в руки исследователей очень перспективные инструменты, которые можно использовать для сбора и анализа данных о социально-культурном состоянии общества. В этом отношении Твиттер обладает определенными преимуществами перед другими социальными сетями, так как дискуссии там ведутся открыто, что облегчает сбор информации.

Помимо открытости, наше внимание к Твиттеру обусловлено некоторыми его техническими особенностями, которые ставят его в особое положение в ряду социальных медиа. Дело в том, что, в отличие от VK и Facebook, общение в Твиттере носит сравнительно безличный характер. Это обусловлено тем, что построение сети коммуникации там меньше связано с усилиями того или иного пользователя. Люди обращаются к Твиттеру не для того, чтобы обеспечить себе некую публичную репрезентацию или получить еще одно средство общения со своими знакомыми (хорошими и не очень). Твиттер работает как мессенджер, благодаря которому человек может быстро обмениваться информацией с большим и заранее не известным числом пользователей, не связанных с ним какими-то личными отношениями. Некоторые исследователи¹⁷ относят Твиттер к третьему поколению интернета (Web 3.0), или к «семантической паутине» (Semantic Web), где ключевую роль играют технологии машинного обучения (machine learning), позволяющего осуществлять оперативный поиск смыслов, связывая людей, разделяющих общие идеи, взгляды и интересы. В Твиттере любой пользователь почти мгновенно оказывается вовлечен в сеть единомышленников, представляющую собой своего рода «заготовку» для общественной инициативы или движения.

Пример движения «Black Lives Matter» показывает, насколько важную роль может сыграть эта сеть при выстраивании протестных кампаний¹⁸. При этом Твиттер может использоваться для формирования идентичностей, связанных с самыми разными ценностными и культурными паттернами, в том числе для разжигания вражды, онлайн-травли и даже для организации интернет-судов Линча¹⁹. Однако особое значение для оценки этой платформы имеет то обстоятельство, что она предоставляет уникальные возможности для свободной, практически анонимной и безопасной дискуссии²⁰. Неудивительно, что для многих российских пользователей Твиттер стал важнейшим источником того, что принято называть «быстрой» информацией, а также площадкой для коммуникации и дискуссий на общественно-политические темы.

¹⁷ См., напр. Weller et al. 2014.

¹⁸ Harris and Edwards 2016.

¹⁹ Losh 2014.

²⁰ Burgess 2016.

Эмпирический материал для настоящего исследования был получен с помощью программного комплекса Twitter Archiving Google Sheet (TAGS). В базу данных включались твиты пользователей, имеющих не менее 200 фолловеров, опубликованные в период с 26 марта по 2 апреля 2017 г. и содержащие ключевые слова «протест», «Димон от-ветит», «Навальный» и «Он вам не Димон». В результате в нее вошло более 45 тыс. твитов.

Данные в датасете были распределены по пяти категориям: «общее количество твитов пользователя», «количество ретвитов», «количество упомянутых пользователей», «количество фолловеров» и «число тех, чьи твиты пользователь читает». Это позволило нам провести структурный анализ отношений между выделенными категориями, определить ключевого игрока, запустившего сообщение, которое привлекло внимание пользователей, проследить развитие дискуссии и ее нарратив²¹, а также составить карту геолокаций²². При анализе данных был задействован программный комплекс Tableau, в который были загружены следующие подсети: (1) частота использования хештегов; (2) степень выраженности (частота упоминаний) пользователя; (3) наибольшее число ретвитов (в нисходящем порядке); (4) общие сведения о пользователях. Учитывая, что наше исследование касается так называемых «больших данных», мы сфокусировались на 10 наиболее распространенных случаях в каждой из категорий.

При проведении соцсетевого анализа был использован программный комплекс Gephi и встроенный в него алгоритм Force Atlas 2, симулирующий гравитационное взаимодействие между соединенными в сеть узлами (аккаунты, примыкающие к кластерам с сильно выраженной внутренней связью, размещаются вблизи этих кластеров, а менее связанные с ними аккаунты и кластеры — в отдалении). Кроме того, как отмечают Аксель Брунс, Тим Хайфилд и Жан Бёрджесс²³, алгоритм Force Atlas 2 удобен тем, что он способен визуализировать большие и сложные сети, будучи специально приспособлен для отображения плотных кластеров.

Для тематического моделирования мы прибегли к скрытому распределению Дирихле (LDA), которое часто используется при решении подобных задач²⁴. LDA — это техника «машинного обучения без учителя», позволяющая объяснять результаты наблюдений с помощью неявных групп. В соответствии с ней каждый документ может рассматриваться как набор определенного количества тем, и появление каждого слова связано с одной из тем. Но поскольку LDA носит вероятностный характер, чтобы приблизить результаты исследований к реальности, при создании каждой из тематических моделей нами было проведено как минимум пять последовательных повторений.

Анализ полученных результатов

По результатам соцсетевого анализа среди пользователей Твиттера было выявлено несколько кластеров. Все они оказались чрезвычайно сильно соединены внутренне и при этом взаимосвязаны между собой

²¹ Rogers 2014.

²² Borra and Rieder 2013.

²³ Bruns, Highfield, and Burgess 2013.

²⁴ Blei, Ng, and Jordan 2003.

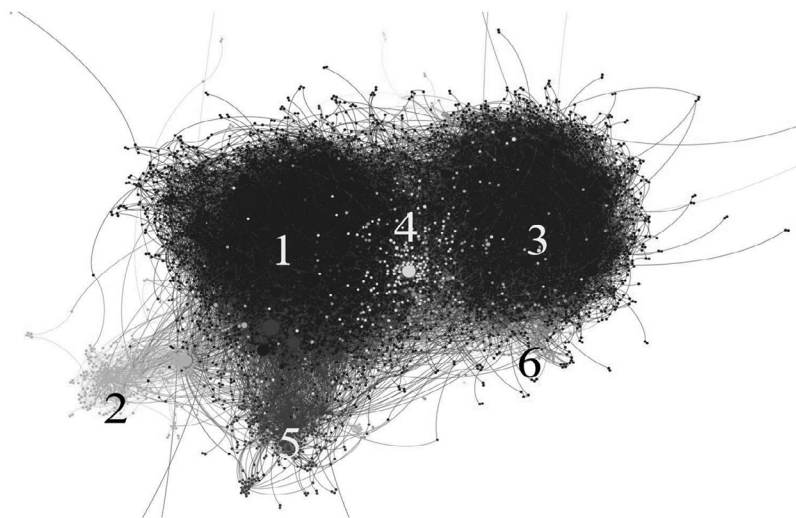

(см. рис. 1). Это может свидетельствовать о высоком уровне взаимодействия и коммуникации между различными частями сети. После исключения из анализа незначительных и удаленных кластеров мы выделили два больших и четыре меньших кластера. Основываясь на тематическом моделировании, мы пришли к выводу, что крупнейшие кластеры (условно) представляют «антиправительственную» и «проправительственную» (лоялистскую) группы пользователей, причем размеры этих групп примерно одинаковы (см. табл. 1).

Выяснилось, что в ходе коммуникации по поводу протестных акций 26 марта пользователи Твиттера почти не использовали хештеги. Хештег содержали только 8,6% (3911) твитов. Всего же было обнаружено 63 хештега. Базируясь на полученных данных, мы составили список наиболее часто встречающихся хештегов. Открывает его хештег «Он вам не Димон» (полностью копирующий название фильма Навального): 26 марта он был размещен как минимум 200 раз (затем число его упоминаний резко снизилось).

Если представители антиправительственной группы обычно маркировали свои сообщения радикальными и мобилизующими метками: «Путин — вор», «Димон ответит» и т.д., то проправительственные пользователи, как правило, ограничивались более нейтральными хештегами («школота Навального» или даже «новости») и существенно уступали

Рисунок 1 Кластеризация пользователей Твиттера

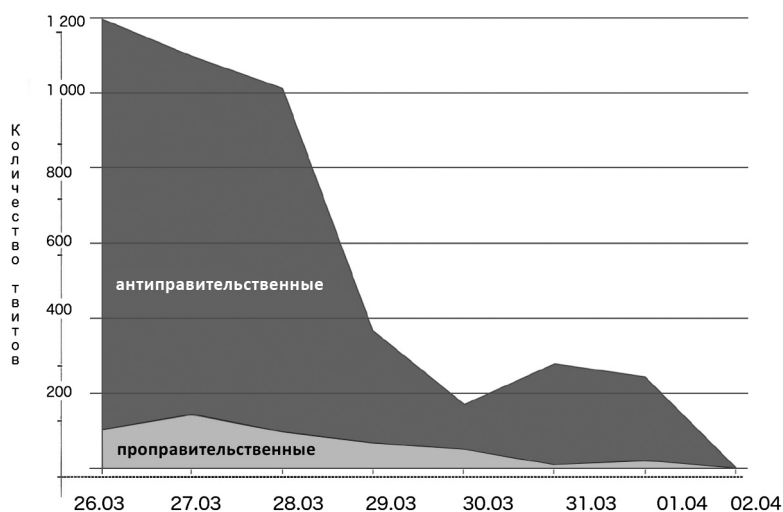
- 1 — антиправительственная группа
- 2 — неполитические блогеры
- 3 — лоялисты
- 4 — проправительственные радикалы
- 5 — англоязычные пользователи
- 6 — нейтральные пользователи

Таблица 1 Наиболее популярные сообщества

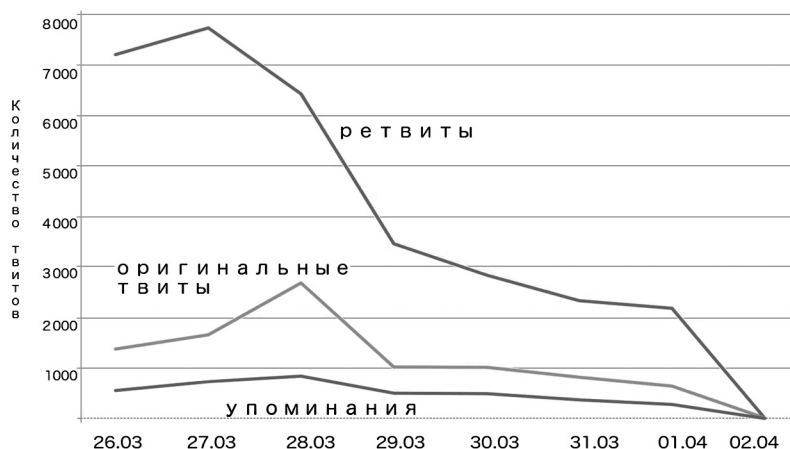
<i>Сообщество</i>	<i>Лидеры</i>	<i>Количество пользователей</i>	<i>%</i>
Антиправительственная группа	Алексей Навальный, Любовь Соболь	2458	37,2
Лоялисты	Виолетта Волкова, Илья Ремесло	2110	32,8
Неполитические блогеры	Данила Поперечный, Влад Розенталь	645	10,0
Англоязычные пользователи	DarthPutinKGB	399	6,2
Проправительственные радикалы	Сергей Кургинян	280	4,4
Нейтральные пользователи	—	180	2,8

протестующим по частоте их употребления (см. рис. 2). Это позволяет предположить, что лоялисты оказались не очень готовы к масштабному реагированию на протестные выступления и не сумели эффективно задействовать сетевые инструменты распространения информации.

Рисунок 2 Динамика использования хештегов антиправительственными и проправительственными пользователями

Примечательно, что после 26 марта накал дискуссии в Твиттере быстро пошел на спад (см. *рис. 3*). Количество твитов, где встречалось хотя бы одно из ключевых слов, резко уменьшилось — при том что как раз в эти дни в традиционных СМИ, и независимых («Радио Свобода», «Эхо Москвы» и т.д.), и подконтрольных государству (телеканал «Вести»), развернулась активная дискуссия по поводу событий 26 марта. Не исключено, впрочем, что дело здесь именно в ключевых словах: поскольку с обсуждения собственно протестов фокус коммуникации сместился на их последствия (задержания участников акций и суды над ними, поведение полиции и т.д.), из твитов исчезли те ключевые слова, на основании которых осуществлялся их отбор в базу данных.

Рисунок 3 Динамика твитов, ретвитов и упоминаний

²⁵ Nagorny and Koltsova 2017.

Одним из основных ограничений метода LDA является проблема достаточного количества тем. Для ее решения мы (вслед за Олегом Нагорным и Олесей Кольцовой²⁵) воспользовались метрикой Cao Juan. В итоге для корпуса твитов, маркированных как «антиправительственные», оптимальным оказалось 45 тем, тогда как для корпуса «проправительственных» твитов — 50. Пример распределения результатов тематического моделирования приведен в *табл. 2*.

После тщательного анализа все темы в обоих основных кластерах были разделены на несколько групп. При исключении из рассмотрения публикаций, носивших ситуативный характер и касавшихся деталей происходивших событий, наиболее выраженными в протестном кластере оказались три примерно одинаковые группы тем, включающие в себя политические и антикоррупционные лозунги и призывы к новым акциям (см. *табл. 3*). В свою очередь в прокремлевском кластере заметно преобладают инвективы в адрес Навального («Он — уголовник»,

Таблица 2 Распределение результатов тематического моделирования для антиправительственного кластера

<i>Протесты в регионах</i>	<i>Будут новые протесты</i>	<i>Дети против коррупции</i>
0,035*Димон ответит	0,019*Протест	0,042*Протест
0,032*Петербург	0,018*Новый	0,035*Дети
0,028*Екатеринбург	0,154*Снова	0,030*Крестовый поход
0,022*Казань	0,141*Улицы	0,028*Коррупция
0,200*Полиция	0,086*Программа	0,027*Молодежь
0,015*Площадь	0,083*Проект	0,010*Школьники
0,014*Скандировать	0,042*Повтор	0,010*Младенцы

«нацист», «вор», «Он купил этих людей», «Он обманул людей» и т.д.) (см. табл. 4). Довольно широко представлены в этом кластере шутки по поводу участников протестов (включая прямой троллинг), тема «детей» («Молодежь как „пушечное мясо“», «Лучше бы эти дети учились, а не протестовали» и т.д.) и требования наказать протестующих. Как ни странно, но последняя тема, в которой можно усмотреть политические коннотации, была наименее популярной среди лоялистов. В целом подавляющее большинство публикаций в этом кластере носило характер «fake news» (к которым Хант Элкотт и Мэтью Дженцков относят «слухи, представленные в стиле, неотличимом от обычных новостных публикаций; теории заговора; сатиру, которая неотличима от фактической информации»²⁶) при практическом отсутствии политических высказываний.

²⁶ Alcott and Gentzkow 2017.

Таблица 3 Наиболее выраженные темы для антиправительственного кластера

	<i>Индекс выраженности</i>
Новости и освещение протестов	0,2859
Политические слоганы и мнения	0,1595
Антикоррупционные высказывания	0,1544
Призыв к новым протестам	0,1413
Молчание СМИ и приемы пропагандистов	0,0666
Протест дальнобойщиков	0,063
Иное	0,1294

Таблица 4 Наиболее выраженные темы для проправительственного кластера

	<i>Индекс выраженности</i>
Негативная оценка Навального как человека	0,4234
Негативная оценка действий Навального	0,1697
Шутки, ирония	0,1239
Тема детей	0,1231
Призывы наказать Навального	0,0822
Иное	0,0777

Подводя итог, можно констатировать, что в ходе Твиттер-коммуникации по поводу событий 26 марта доминировали две полярные по своим общественно-политическим ориентациям группы: протестующие и лоялисты. Для обеих групп участие в онлайн-сети выступало средством укрепления собственной идентичности и повышения уровня солидарности. В рамках антиправительственной группы коммуникация носила более инструментальный, рациональный характер — здесь Твиттер использовался преимущественно как канал общения и распространения информации (путем ретвитов). Вопреки ожиданиям, количество твитов, несущих политический смысл, было невелико. Слабо выраженной в распространявшемся контенте оказалась и ценностная составляющая. В то же время некоторые пользователи публиковали в твитах призывы к участию в новых протестах, что указывает на организационную роль коммуникации в Твиттере. В целом полученные данные позволяют предположить, что сторонники Навального посылали элитам три главных меседжа: о необходимости политических перемен, о важности решения проблемы коррупции и о том, что протесты продолжатся.

Со своей стороны проправительственные пользователи делали упор на ценностно нагруженные сообщения класса «fake news» и использовали методы троллинга (параллельно призывая наказать протестующих). То есть в их руках Твиттер являлся в первую очередь инструментом выражения индивидуальной и групповой идентичности, связанной с политической лояльностью и/или приверженностью status quo, и его сетевой потенциал не использовался для организации и координации действий.

Заключение

У нас нет достаточных оснований утверждать, что социальные сети сами по себе могут дать решающий толчок развитию протестной политики в России (как, впрочем, и в любом другом месте). Подъемы и спады общественных движений определяются сложным набором социетальных факторов. Тем не менее мы полагаем, что они представляют собой действенный инструмент общественно-политической мобилизации, открывая возможности для эффективного решения проблемы коллективного действия в процессе становления общественных движений и массовых гражданских

инициатив. Проведенное нами исследование показывает, что коммуникация в Твиттере может способствовать укреплению солидарности и кристаллизации оффлайн-сетей, создавая условия для организации совместного действия. При этом социальные сети могут быть использованы для мобилизации не только оппозиции, но и лоялистского сегмента общества.

Вместе с тем в ходе исследования остались нерешенными несколько важных вопросов. Как оценить мобилизационную значимость упомянутых нами технических особенностей Твиттера, превращающих его в особенно эффективное средство групповой коммуникации и формирования сетей (networking)? Существует ли возрастная (поколенческая) и социальная асимметрия в распределении пользователей между социальными сетями и насколько правомерно считать российский Твиттер сетью преимущественно молодых жителей мегаполисов? Наконец, при каких условиях онлайн-коммуникация и сетевое общение переходят в сетевые структуры политического и гражданского действия, функционирующие в реальном мире? На эти вопросы у нас пока нет ответов, и мы рассматриваем их как программу дальнейшей работы.

Библиография

Виола Л. (2010) *Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления*. М.: РОССПЭН.

Грациози А. (2008) *Великая крестьянская война в СССР: Большевики и крестьяне, 1917—1933*. М.: РОССПЭН.

Козлов В.А. (2009) *Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев*. М.: РОССПЭН.

Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды. (2017) URL: <http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-let-2017-tsifry-i-trendy/> (проверено 14.12.2017).

Allcott H. and M.Gentzkow. (2017) «*Social Media and Fake News in the 2016 Election*». NBER Working Paper 23089. URL: <http://www.nber.org/papers/w23089.pdf> (accessed 15.11.2017).

Almeida P.D. (2003) «Opportunity Organizations and Threat-Induced Contention: Protest Waves in Authoritarian Settings» // *American Journal of Sociology*, vol. 109, no. 2: 345—400.

Bennett W.L. (2012) «The Personalization of Politics Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation» // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 644, no. 1: 20—39.

Bennett W. L. and A.Segerberg. (2012) «The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics» // *Information, Communication & Society*, vol. 15, no. 5: 739—768.

Berry D. (2011) «The Computational Turn: Thinking about the Digital Humanities» // *Culture Machine*, vol. 12. URL: <https://people.cs.vt.edu/~kafura/CS6604/Papers/Digital-Humanities.pdf> (accessed 15.11.2017).

Blei D.M., A.Y.Ng, and M.I.Jordan. (2003) «Latent Dirichlet Allocation» // *Journal of Machine Learning Research*, vol. 3: 993—1022. URL: <http://jmlr.org/papers/volume3/blei03a/blei03a.pdf> (accessed 15.11.2017).

Bratton M. and N. van de Walle. (1992) «Popular Protest and Political Reform in Africa» // *Comparative Politics*, July: 419—442.

Bruns A., T.Highfield, and J.Burgess. (2013) «The Arab Spring and Social Media Audiences: English and Arabic Twitter Users and Their Networks» // *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no. 7: 871—898.

Crabtree J. (2005) *Patterns of Protest: Politics and Social Movements in Bolivia*. L.: Latin American Bureau.

Downing J. (2000) *Radical Media: Rebellious Communication and Social Movements*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications.

Earl J. and J.Kimport. (2011) *Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age*. Cambridge: Mit Press.

Frye T. and A.Yakovlev. (2016) «Elections and Property Rights: A Natural Experiment From Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 49, no. 4: 499—528.

Gaffney D. (2010) «#iranElection: Quantifying Online Activism». Proceedings of the Web Science Conference (WebSci10). Raleigh (NC).

Günther R. and A.Mughan, eds. (2000) *Democracy and the Media: A Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.

Gurr T.D. (1980) *Why Men Rebel*. Princeton (NJ): Princeton University Press.

Harris D. and S.B.Edwards. (2016) *Black Lives Matter*. Minneapolis (MN): Essential Library.

Kavanaugh A.L. and S.Yang. (2011) «Microblogging in Crisis Situations: Mass Protests in Iran, Tunisia, Egypt». Presented at the Workshop on Transnational HCI, Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI 2011), Vancouver.

Kember S. and J.Zylinska. (2012) *Life after New Media: Mediation as a Vital Process*. Cambridge: Mit Press.

Levitsky S. and L.Way. (2002) «The Rise of Competitive Authoritarianism» // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 51—65.

Lorentzen P.L. (2013) «Regularizing Rioting: Permitting Public Protest in an Authoritarian Regime» // *Quarterly Journal of Political Science*, vol. 8, no. 2: 127—158.

Losh E. (2014) «Hashtag Feminism and Twitter Activism in India» // *Social Epistemology Review and Reply Collective*, vol. 3, no. 3: 11—22.

McAdam D., S.Tarrow, and C.Tilly (1996) «To Map Contentious Politics» // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 1, no. 1: 17—34.

Nagornyy O. and O.Koltsova. (2017) *Mining Media Topics Perceived as Social Problems by Online Audiences: Use of a Data Mining Approach in Sociology*. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/13/1510766478fe24ccac5b2e8d7a00da54e49736b661/74SOC2017.pdf> (accessed 15.11.2017).

Olson M. (1971) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, L.: Harvard University Press.

Rogers R. (2014) «Debanalising Twitter: The Transformation of an Object of Study» // Weller K., A.Bruns, J.Burgess, M.Mahrt, and C.Puschmann, eds. *Twitter and Society*. N.Y.: Peter Lang: ix—xxvi.

Tarrow S. (1994) *Power in Movement: Collective Action, Social Movements and Politics*. N.Y., Cambridge: Cambridge University Press.

Weller K., A.Bruns, J.Burgess, M.Mahrt, and C.Puschmann. (2014) «Twitter and Society: An Introduction» // Weller K., A.Bruns, J.Burgess, M.Mahrt, and C.Puschmann, eds. *Twitter and Society*. N.Y.: Peter Lang: xxix—xxxviii.

ПОЛИТИКА

D.V.Goncharov, V.V.Nechay ANTI-CORRUPTION PROTESTS 2017: REFLECTION IN TWITTER

Dmitry V. Goncharov — Doctor of Political Science; Professor at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social and Human Sciences, National Research University *Higher School of Economics*. Email: dgoncharov@hse.ru.

Valery V. Nechay — Ph.D. Student at the Department of Applied Political Science, St. Petersburg School of Social and Human Sciences, National Research University *Higher School of Economics*. Email: vnechai@hse.ru.

Abstract. Although the number of Twitter users is significantly lower than other social networks in our country (primarily, Vkontakte and Facebook), its social and political significance is quite high, due to both the network's technical features, and the specificity of public and political communication in modern Russia. Against the background of the strict state control over the key social media, Twitter is an independent and efficient platform for interactive exchange of information. During the protests on March 26, 2017, and immediately thereafter, Twitter not only supplemented (or even replaced) the federal media's role in disseminating important information, but also acted as a channel for social and political discussion and construction of offline networks.

The article attempts to show how one can draw conclusions about the evolution of the Russian protest politics on the basis of the analysis of Twitter communication. The authors focus on whether Twitter messages shed light on the mechanisms of socio-political mobilization and protest potential in general.

The conducted research shows that Twitter can be viewed as an effective tool of social and political mobilization, which opens up opportunities for overcoming collective action problem in the process of social movements formation. Twitter communication can help strengthen solidarity and crystallization of offline networks, by creating favorable conditions for collective action. At the same time, similar to other social networks, it can be used to mobilize not only the opposition, but also the loyalist segment of the society.

Keywords: political mobilization, connective action, contentious politics, social networks, Twitter

References

- Allcott H. and M.Gentzkow. (2017) «*Social Media and Fake News in the 2016 Election*». NBER Working Paper 23089. URL: <http://www.nber.org/papers/w23089.pdf> (accessed 15.11.2017).
- Almeida P.D. (2003) «Opportunity Organizations and Threat-Induced Contention: Protest Waves in Authoritarian Settings» // *American Journal of Sociology*, vol. 109, no. 2: 345—400.
- Bennett W. L. and A.Segerberg. (2012) «The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics» // *Information, Communication & Society*, vol. 15, no. 5: 739—768.
- Bennett W.L. (2012) «The Personalization of Politics Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation» // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 644, no. 1: 20—39.
- Berry D. (2011) «The Computational Turn: Thinking about the Digital Humanities» // *Culture Machine*, vol. 12. URL: <https://people.cs.vt.edu/~kafura/CS6604/Papers/Digital-Humanities.pdf> (accessed 15.11.2017).
- Blei D.M., A.Y.Ng, and M.I.Jordan. (2003) «Latent Dirichlet Allocation» // *Journal of Machine Learning Research*, vol. 3: 993—1022. URL: <http://jmlr.org/papers/volume3/blei03a/blei03a.pdf> (accessed 15.11.2017).
- Bratton M. and N. van de Walle. (1992) «Popular Protest and Political Reform in Africa» // *Comparative Politics*, July: 419—442.
- Bruns A., T.Highfield, and J.Burgess. (2013) «The Arab Spring and Social Media Audiences: English and Arabic Twitter Users and Their Networks» // *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no. 7: 871—898.
- Crabtree J. (2005) *Patterns of Protest: Politics and Social Movements in Bolivia*. L.: Latin American Bureau.
- Downing J. (2000) *Radical Media: Rebellious Communication and Social Movements*. Thousand Oaks (CA): Sage Publications.
- Earl J. and J.Kimport. (2011) *Digitally Enabled Social Change: Activism in the Internet Age*. Cambridge: Mit Press.
- Frye T. and A.Yakovlev. (2016) «Elections and Property Rights: A Natural Experiment From Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 49, no. 4: 499—528.
- Gaffney D. (2010) «#iranElection: Quantifying Online Activism». Proceedings of the Web Science Conference (WebSci10). Raleigh (NC).
- Graziosi A. (2008) *Velikaia krest'ianskaia voina v SSSR: Bol'sheviki i krest'iane, 1917—1933* [The Great Soviet Peasant War: Bolsheviks and Peasants, 1917—1933]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Günther R. and A.Mughan, eds. (2000) *Democracy and the Media: A Comparative Perspective*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gurr T.D. (1980) *Why Men Rebel*. Princeton (NJ): Princeton University Press.
- Harris D. and S.B.Edwards. (2016) *Black Lives Matter*. Minneapolis (MN): Essential Library.
- Kavanaugh A.L. and S.Yang. (2011) «*Microblogging in Crisis Situations: Mass Protests in Iran, Tunisia, Egypt*». Presented at the Workshop

on Transnational HCI, Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI 2011), Vancouver.

Kember S. and J.Zylinska. (2012) *Life after New Media: Mediation as a Vital Process*. Cambridge: Mit Press.

Kozlov V.A. (2009) *Massovye besporiadki v SSSR pri Khrushcheve i Brezhneve* [Mass Riots in the USSR under Khrushchev and Brezhnev]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Levitsky S. and L.Way. (2002) «The Rise of Competitive Authoritarianism» // *Journal of Democracy*, vol. 13, no. 2: 51–65.

Lorentzen P.L. (2013) «Regularizing Rioting: Permitting Public Protest in an Authoritarian Regime» // *Quarterly Journal of Political Science*, vol. 8, no. 2: 127–158.

Losh E. (2014) «Hashtag Feminism and Twitter Activism in India» // *Social Epistemology Review and Reply Collective*, vol. 3, no. 3: 11–22.

McAdam D., S.Tarrow, and C.Tilly (1996) «To Map Contentious Politics» // *Mobilization: An International Quarterly*, vol. 1, no. 1: 17–34.

Nagornyy O. and O.Koltsova. (2017) *Mining Media Topics Perceived as Social Problems by Online Audiences: Use of a Data Mining Approach in Sociology*. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/lib/data/access/ram/ticket/13/1510766478fe24ccac5b2e8d7a00da54e49736b661/74SOC2017.pdf> (accessed 15.11.2017).

Olson M. (1971) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, L.: Harvard University Press.

Rogers R. (2014) «Debanalising Twitter: The Transformation of an Object of Study» // Weller K., A.Bruns, J.Burgess, M.Mahrt, and C.Puschmann, eds. *Twitter and Society*. N.Y.: Peter Lang: ix–xxvi.

Sotsial'nye seti v Rossii, leto 2017: tsifry i trendy [Social Networks in Russia, Summer 2017: Figures and Trends]. (2017) URL: <http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-leto-2017-tsifry-i-trendy/> (accessed 14.12.2017). (In Russ.)

Tarrow S. (1994) *Power in Movement: Collective Action, Social Movements and Politics*. N.Y., Cambridge: Cambridge University Press.

Viola L. (2010) *Krest'ianskii bunt v epokhu Stalina: Kollektivizatsiia i kul'tura krest'ianskogo soprotivleniia* [Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Weller K., A.Bruns, J.Burgess, M.Mahrt, and C.Puschmann. (2014) «Twitter and Society: An Introduction» // Weller K., A.Bruns, J.Burgess, M.Mahrt, and C.Puschmann, eds. *Twitter and Society*. N.Y.: Peter Lang: xxix–xxxviii.